

Прощай, моя самая красивая песня

Евгения Лантайн

В последнее время Евгения зачастила в библиотеку, находя там то одно, то другое дело. Частота посещений саму девушку ничуть не смущала и не пугала перспективой того, что блондинку обзовут "ботаничкой", "синим чулком" или ещё как-нибудь в этом духе. Подумаешь. Да и вообще, не посмеют. Для классического ботаника у Лантайн была слишком прямая спина и слишком хорошее зрение. С единственной, правда, оговоркой: неизвестно, надолго ли они такими темпами останутся.

С нежно лелеемой мечтой о поэтическом альманахе дела обстояли плохо. Совсем плохо. Повешенное на главной площади не вызвало в обитателях монастыря никакого отклика. Настолько не вызвало, что Евгения успела даже испугаться: ошиблась в расчетах, промахнулась с треском. Зря с мастером Флетчером разговаривала, зря Франсуазу теребила - вообще все зря делала. Но аккуратно перед тем, как Лантайн окончательно впала в панику, двое к ней всё-таки пришли по этому объявлению. Парень и девушка. Чтобы не повторять всё по два раза, Евгения решительно объединила их в одну слушающую группу и велела в назначенное время приходить в библиотеку. Правда, пока ребята запаздывали, но Лантайн уже начала снова надеяться со страшной силой. В конце концов, три поэта - это однозначно лучше, чем одинокий воин в чистом поле. В целых три раза лучше.

Райан О'Мера

Райан, как всегда, подвел её язык, ронявший слова какими-то совершенно чуждыми действительности горстями. О'Мера вовсе не имела в виду, что она пишет стихи и готова предложить любую посильную помощь в создании поэтического сборника. Ирландка только попыталась поинтересоваться, кому и как пришла в голову такая нежная, трогательная идея, но в ходе разговора, как видно, выдала нечто совершенно противоположное, потому что её в срочном порядке подхватили под руки и мобилизовали на организационное собрание.

У ступеней храма Райан уже привычно потопталась пару минут в нерешительности, вспоминая их с Ровеной разговор про охраняющего первую ступень змея. Потом не менее привычно от души прыгнула на первую ступеньку обеими ногами и, посчитав на этом, что змей временно оглушен и какое-то время будет безобиден, торопливо прошмыгнула наверх.

- Здравствуй, - полушепотом поздоровалась Райан, проскальзывая в дверь библиотеки боком, как стеснительный краб. Евгении ирландка в целом не боялась, но конкретно сейчас - опасалась. На светлом лице Лантайн в данные минуты была написана беспощадная деловитость сурового шершня, который штрафникам поотрывает руки, невзирая на любую разницу в габаритах, даже самую катастрофическую. Руки. Поотрывает. В этом месте Райан вспомнила Ирину с её громкими, восхитительными в своей бескрайней безбашенности угрозами, невольно заулыбалась и закончила уже значительно бодрее: - Ты ведь не будешь против, если я подойду и сяду? Это же будет разумным и конструктивным, правда?

Матвей Болотов

Матвей о своём хобби успевает практически забыть. Так только, изредка лениво

пачкает карандашом стенки в своей комнате, записывая несколько признанных наиболее годными из всех в башку пришедших строк. Сказать об этой вялой деятельности, что парень пишет стихи, будет чрезмерно громко. По-серьёзному Матвей к рифмоплетству не приступал аж со времён той памятной поэтической дуэли с Аурелом. Так с тех пр сколько воды утекло. Целая Амазонка небось уже успела собрать вещички и смыться в неизвестном направлении.

Поэтому, когда на площади Матвею на глаза вдруг попадаете объявление, собирающее по округе поэтов всех цветов и мастей – Болотов сперва не воспринимает его вообще никак. Пропускает мимо себя целиком, до последней буквы. И далеко не с первого раза начинает различать в примелькавшейся бумажке знакомые и даже соблазнительные слова. Кто-то явно сошёл с ума. Но бесспорно, думает Матвей, сделал это очень своеобразным, прелестным способом. Почему бы не поддержать незнакомца в его славном, милом увлечении. Тем более, тут у одного молодого человека крыша как раз на сопельке держится. Можно будет сойти с ума дружным хором, но при этом оставаться поэтически прекрасными. Звучит гордо.

Незнакомец подлым образом оказывается незнакомкой. Ослепительной блондинкой с, вопреки внешней ванильной мягкости, по-бульдожьей цепкой хваткой. Матвей на пробу дергается разок, понимает, что раз засветил волосатые уши – теперь уже не отбрыкается, и покорно позволяет назначить свидание под часами.

На "свидание" Болотов опаздывает – ещё не вопиюще, но уже вполне себе вызывающе. И с удивлением обнаруживает, что девиц за то время, пока они не виделись, стало больше ровно вдвое. Матвей с показательным изумлением поднимает брови и упрекает, обращаясь к блондинке: – Что-то я не помню, когда госпожа начальник предупреждала меня о том, что намечается оргия!

Евгения Лантайн

В одиночестве Евгения просидела недолго. Первой, вопреки расхожему стереотипу о том, что девушки всегда опаздывают и вообще им так поступать и положено, появилась трогательная Райан. В её своеобразных движениях отчётливо угадывалось что-то нездоровое, словно девушка не вполне понимала, как правильно пользоваться своими руками и ногами. Лантайн заметила эту странную особенность в поведении Райан ещё с первой же встречи, но спрашивать, чем это вызвано, постеснялась. Да и сейчас, по мнению Евгении, было рано для такого прямолинейного вопроса - слишком мало они ещё знакомы. К откровенности это не располагает.

- Здравствуй. Если ты подойдешь и сядешь рядом, я буду только всецело "за", - приветливо закивала Лантайн. - Так будет только удобнее. Спасибо, что не раздумала и пришла. Для меня это очень важно. Правда, спасибо.

Так же обрадоваться и с таким же восторженным придыханием поблагодарить явившегося вторым парня у Евгении, хоть тресни напополам, не получалось. Даже несмотря на то, что приход Матвея окончательно делал дрожащую над кончиками пальцев мечту осязаемой и реальной, выдавить из себя такую же светлую искренность у Лантайн не вышло. И девушка сильно подозревала, что всё дело было в том, в какой манере Матвей повёл беседу. С таким-то подходом - хотелось как можно скорее укусить парня в ответ, и только.

- Я вас, молодой человек, если помните, приглашала на общее собрание! Это от трёх человек и выше! Учите матчасть! - задиристо сказала было Лантайн, но тут же одернула себя: если в этом духе продолжать, то, кроме зачётной ссоры, вряд ли что

получится. Успокаиваясь, Евгения глубоко вздохнула. И махнула рукой: - Подойди сюда и сядь рядом, пожалуйста. Мне будет очень неудобно кричать тебе на такое расстояние. Да и Райан не обрадуется, если я буду постоянно кричать у неё над ухом. Поэтому иди сюда, не маячь. И, пожалуйста, оба расскажите мне о своих стихах. Какие они чаще всего? О чём? Скорее длинные или короткие? Вы пишете скорее много или мало?

Райан О'Мера

Как и Матвей, Райан была не предупреждена о том, что встреча в библиотеке будет не свиданием с глазу на глаз, а чуть более обширными посиделками. Увидев молодого человека, О'Мера, едва успевшая сесть возле Евгении, страшно застеснялась. И нервно завибрировала, пытаясь одновременно и стеснительно скрючиться, прячась с глаз, и всё же не слишком съежиться в комочек, чтобы всё-таки выглядеть девушкой, а не испуганной улиткой.

С молодыми людьми ирландке и так никогда не было просто видеться, а в последнее время стало особенно тяжело. Если от девушек Райан как-то по умолчанию не ждала ни снисхождения, ни понимания - и поэтому в Линь Ян До то и дело обманывалась в своих ожиданиях относительно учениц, обитательниц и мастериц, - то юноши, они на то и противоположный пол, чтобы девушки хотели им нравиться. О'Мера, в последнее время начавшая обретать некоторое подобие уверенности в себе, нравиться желала особенно остро. И, хотя вроде бы чётко понимала, что скукожившееся на стуле перепуганное существо вряд ли вызовет у Матвея острый приступ любви, ничего не могла с собой поделать, смущённо ёжась.

- О, я бы не сказала, что я пишу хоть сколько-нибудь постоянно, - пробормотала Райан, так и не решившись сказать Евгении правду, которая, со всей очевидностью, должна была страшно разочаровать блондинку. - Поэзия - очень зыбкая, непостоянная стихия. Я не настолько хорошо её понимаю, чтобы днём и ночью доить своего печального Пегаса. Я бы сказала, что я пишу про образы. Да, образы. Идеи, которые я вижу и могу описать. Мальчик с железным сердцем. Девочка, которая уедет в Рим. Образы, - ещё раз повторила Райан, заливаясь чисто клюквенным румянцем от собственных смелых сочинений. Ох, только бы прозвучало похоже на правду. Или хотя бы не слишком глупо.

Матвей Болотов

Пока Евгения, всеми силами пытаясь оставаться приличной девочкой, рассыпается в ворохе вежливых фраз, Матвей откровенно и недоверчиво скалится. От уха до уха растягивает рот в неприятной улыбке, даже ради двух красивых девушек не стараясь сделать вид, что он типа хоть сколько-нибудь адекватен и социально приемлем. И только Райан, скрючившаяся на стуле так, словно её вот-вот будут бить, вызывает острую жалость, и только ради неё Матвей натягивает на лицо нечто, условно похожее на человеческое и дружелюбное выражение лица.

— А ча бы тебе на меня и не поорать? Я уважаю, когда громко. Уши прочищаются сразу насквозь, — говорит Болотов, но уже не так нахраписто, как начинал. И, садясь рядом с Райан, старательно втирает Евгении: — Ты меня лучше пни, но от души. Ча мы, на приёме каком, что ли? Король Непала щас из-за полка вырулит? Кому ты приседаешь? Если мне, так я ещё и не оценю, знаешь ли.

Сам же Матвей старается проявлять вымученную вежливость и, как приличный человек, исправно молчит всё время, пока Райан рассказывает про своё творчество. Разве что разок позволяет себе одобрительно гоготнуть. "Печальный Пегас",

которого к тому же ещё и доят — это тот образ, который парню в чём-то нравится. Сразу представляется худая замученная скотина с ведром под брюхом, которой к тому же чья-то дикая фантазия на горб прилепила крылья. В случае Болотова злосчастная лошадка вдохновения, должно быть, примерно так и выглядит.

— А я вот пишу много. Почти постоянно. Но и не дописываю очень много, оно так, остаётся являться в виде нескольких строчек. Начинаю писать мысль, а потом она внезапно кончается. Но из того, что уже написано, наверное, немало собрать можно, — бойко говорит Матвей. И предлагает: — Ты мне лучше скажи, подруга: как часто ты свой журналец выпускать планируешь? А я тебе взамен расскажу, осуществимо это или ты бредишь из крупного калибра. По рукам?

Евгения Лантайн

Признаться, Евгении и в голову не приходило, что можно постоянно общаться с Матвеем в таком режиме и тоне, словно вот-вот в ход пойдут кулаки, зубы и ногти, и держать это за нормальный способ общения. Как оказалось, можно и, согласно заверениям парня, даже нужно.

- Идёт! В следующий раз, когда ты начнешь меня бесить, я надену тебе на голову кастрюлю. Безо всяких приседаний! Договорились! - пообещала Лантайн. Посчитала на этом конфликт исчерпанным и вся обратилась в слух, готовясь снимать рассказам новых знакомых.

Рассказы были недолгие и, наверное, не слишком содержательные. Евгения мало что полезного вынесла из путаных объяснений Райан, за исключением общей идеи её стихов, и немногим больше - из слов Матвея, который был более конкретен, но все же опять едва ли не с первой фразы полез спорить. Беда с ним. Лантайн, правда, придерживалась той мысли, что нужно просто нужно просто привыкнуть к манере парня цепляться чуть ли не к каждому чужому слову и называть это "общением", но ведь неизвестно, сколько времени такое привыкание займёт. Было бы куда проще отказаться от помощи Матвея и обратиться к кому-нибудь менее конфликтному - жаль, альтернатив на горизонте пока даже приблизительно не виделось.

- Лично я бы хотела рисовать газету как минимум раз в месяц. Судя по тому, как ты себя нахваливаешь - уж на одно-то стихотворение в месяц строчек у тебя должно набраться без проблем. Райан, как тебе такие сроки? Справишься? - уточнила Евгения. Но три стихотворения на выпуск - это было неприлично мало, о чём Лантайн и поспешила сообщить: - Но втроём мы выпуск нормального объёма не сделаем. Или будем сочинять его год. Может, вы знаете ещё кого-то, к кому можно с этой идеей обратиться? Не может же быть, чтобы только вы вдвоём на весь монастырь писали стихи. Наверняка ещё кто-то этим балуется. Нет у вас на примете подходящих кандидатур?

Райан О'Мера

Если уж Райан через раз чувствует себя неловко в присутствии Ирины, которая давно уже своя в доску, как знакомый до последнего сучка Пиноккио, то что тогда говорить про двух пока еще малознакомых людей. Пока Евгения и Матвей переругивались на слегка повышенных тонах, О'Мера сидела, пугливо вжимая голову в плечи и ожидая, что вот-вот над этой самой головой полетят, словно сорванные с места ураганом "Ирма", книжки и прочие предметы, лежащие под рукой. А потом вдруг выяснилось, что молодые люди планируют все время так и общаться, словно вот-вот начнут друг в друга с яростью плевать, и подобное

решение для ирландки, как всегда, оказалось удивительным. Как будто люди могут сложить оружие, но вместо этого выбирают по обоюдному согласию поливать друг друга при встрече кипящей смолой. Невозможное, непонятное соглашение.

- О, вам обязательно надо познакомиться с моей соседкой. Она тоже любит кричать и надевать кастрюли. Вы легко найдете общий язык, - неловко пробормотала Райан, зябко пряча ладони между своих коленок. И тут же поспешила изменить показания: - Но я не думаю, что это знакомство окажется газетно-полезным. Моя славная соседка не имеет привычки писать стихов. Совсем. И я не думаю, что она планирует когда-нибудь начать это делать. Хотя, конечно, я могу ее об этом спросить. Это я могу! Спросить - всегда самое простое. Вопрос можно празднично повесить в воздухе и никого и ни к чему этим вопросом не обязывать. Да, я спрошу ее, - пообещала Райан.

Вопрос о сроках вызвал у ирландки замешательство, близкое к истерике. О'Мера как человек, никогда в жизни стихов не писавший, даже примерно не имела понятия, что здесь можно наврать, чтобы правдоподобно звучало, и беспокоило заерзала на месте, то открывая, то закрывая рот. Будь воля Райан, она зацепилась бы за ответ Матвея, чтобы понять, что говорить ей самой - но Матвей, как назло, с ответом не торопился. Ирландка тяжело вздохнула, мысленно пообещала себе самой, что в случае чего в лаве этой Роковой горы она все-таки не утонет, и нерешительно сказала: - Месяц - это хорошо. Я постараюсь. Да, пусть будет месяц. Я, наверное, смогу успевать.

Матвей Болотов

Раз в месяц, ага. Это бывает.

Матвей опускает голову и неторопливо, вдумчиво прислушивается к самому себе. Как они звучат, такие сроки?

Если по одному стихотворению в месяц выдавать, то лично для парня – сроки черепахи. По дороге запросто можно успевать в потолок. Причём опять же – не торопясь, со вкусом. Монограмму можно успеть художественно выплывать на потолке.

– Да уж нарежу лоскутов из чего-нибудь там. И даже пришью лоскуты друг к другу так, чтобы оно всё вместе прилично выглядело, – обещает Матвей. И не удерживается от замечания: – Только я никак не пойму: ты ради этих трёх слов, что ли, нас так торжественно тут собирала? Ничего умнее не придумала? Да я тебе всё это мог напеть в любое время и в любом месте, где поймаешь, там и расскажу. Вовсе незачем было для этого собраниями меня стращать и повестки в библиотеку выписывать.

В целом – пока Матвею нравятся его новообретенные "коллеги". И более бойкая и суровая Евгения, и робкая и трепетная Райан. Это даже чертовски прикольно: сидеть между двух хорошеньких девушек, видеть, как одна из них то и дело, по любому поводу тебя пугается, и при этом чётко понимать, что вторая симпатяжка наоборот, сама тебя запугает и под лавку загонит, ей только волю дай.

У Евгении, как выясняется, на повестке дня запланирован ещё один пункт: перепихнуть на плечи Матвея и Райан заботы по вербовке новых поэтов. Первым словом Болотов немедленно возмущается. И с укоризной говорит: – Ча, на золотые волосы почти никто не клюнул, так ты нас решила в обойму зарядить? Хитра! По-твоему, моя помятая рожа должна возбудить в людях больший интерес? Чи ты в моё неземное и неповторимое обаяние веришь? А впрочем, знаю я тут пару человечков, могу поспрашивать, – уже более серьёзно заканчивает Матвей. И на абсолютно

серьёзных щах спрашивает: – Что ещё боярыня прикажет? Добыть цветочек аленький али привести чудище лесное?

Евгения Лантайн

Желание схватить первую попавшую под руку книгу и впечатать корешок Матвею чётко в центр лба Евгения успешно подавила, хотя и дернулась сперва искать что потяжелее. К парню определённо требовалось привыкать, долго и упорно. Лантайн полагала, что в один прекрасный день она наконец в достаточной степени очерствеет и будет через слово швырять в Матвея чем попало, не испытывая ни малейших угрызений совести. Пока же Евгения преимущественно торчала в амплуа "славной девочки", и отказаться от него так просто не получалось.

- Торжественно собирала, потому что мне это удобнее, чем носиться за вами по всему монастырю и повторять каждому персонально по три раза. Что ты там думаешь по этому поводу, мне трижды начхать, - сурово сказала Евгения, сильно подозревавшая, что Матвей не отстанет вообще, если поймёт, что подобные вопросы девушку знатно раздражают. Поэтому самая перспективная тактика - делать лицо невозмутимым кирпичом и на разные лады повторять "не твоё дело, поганка". - Тем более - вот видишь, какие интересные вещи мы выяснили, пока общались втроём! Оказывается, ты можешь кое-кого поспрашивать! Я уверена, общайся мы с тобой с глазу на глаз, ты бы меня послал в пешее эротическое, просто потому, что душа просит. Ну, тогда на сегодня мы можем расходиться. Я через пару дней отдельно к каждому из вас подойду и поспрашиваю, как ваши успехи, - постановила Евгения. И внимательно посмотрела сперва на Райан, потом на Матвея: - Или, может, вы хотите что-то у меня спросить, пока есть возможность? Я вся внимание, - Лантайн чинно сложила руки перед собой, словно прилежная ученица, всем своим видом показывая, как она готова внимать вопросам молодых людей.

Райан О'Мера

Райан приоткрыла рот, сразу приготовив губы и язык для тщательной артикуляции, для канонады беглых вопросов в адрес Евгении - да так с приоткрытым ртом и замерла, не в силах нашарить внутри себя ни одного вопроса. Внутри головы ирландки вдруг стало подозрительно тихо и умиротворенно. И поблекли грозовые тучи, и перестала звучать неумолимая "Билли Джин", и даже вечно плящущий Майкл Джексон утомленно присел возле костра. Покой и тишь. Как будто Евгения и Матвей совместными усилиями выманили грозу к себе и разрядили её в пространство между молодыми людьми, всю истратили на смешную ссору, на детские угрозы, на так и не доведенные до удара замахи. Будоражить эту тишину и нарушать её вопросительными завихрениями ирландке сейчас очень не хотелось.

- Я думаю, ты зря подаешь ей такие идеи. Она, мне кажется, из тех людей, что не погнушаются и примут десяток. Сейчас боярыня захочет и цветочек аленький, и чудище лесное, и сверх того ещё демона в бочке, - прошептала Райан, обращаясь к Матвею. Девушку вдруг с непреодолимой силой потянуло тоже хоть чуть-чуть, пусть только шепотом, только самым кончиком языка, неумело, но тоже поучаствовать в этой словесной схватке. Перехватив взгляд Евгении, О'Мера немедленно стушеввалась, замерцала натянутой улыбкой и торопливо сказала: - О, я не думаю, что у меня сейчас могут быть вопросы! Я думаю, они придут ко мне позже, и тогда я их всех принесут тебе в горсти. Это же можно, да? - засомневалась Райан. Как знать - вдруг Евгения не любит, когда за ней бегают с вопросами? Светлый лоб, к

сожалению, не носит проясняющей эту черту характера печати.

Матвей Болотов

– Оно и видно, что тебе начать, – охотно соглашается Матвей. Действительно: схватила, выдернула и даже мнением теперь не интересуется. Вот уж наплевать так наплевать на чужие мысли. В этот момент парень испытывает немалое искушение взять и тоже под лозунгом "а мне начать" всё же объявить Евгении своё мнение. То самое, о котором его никто не спрашивает. И если бы не Райан, усердно отвлекающая парня и засыпающая ему в ухо взволнованный дробный шепот, то и объявил бы.

– Да непременно захочет, – утвердительно отвечает Матвей. То, что Евгения сидит вот прямо тут, и в упор на них смотрит, а они с Райан перешептываются прямо у неё под носом и это, вообще-то, не очень вежливо. Щас бы ещё о вежливости вспоминать, конечно. – И аленький цветочек, и чудище лесное, и черта в ступе, и разные чудеса заморские, и ещё даже то, сама не знаю что. Загибай пальцы, я уверен, в нас сейчас список полетит.

Судя по напору Евгении, девушке очень хочется, чтобы ей загрузили мозг каким-нибудь вопросом. Матвей не относится к тем людям, которые способны отказать красавице в таком горячем желании: если красавица жаждет трудностей на мозг, пускай она их получает. Матвей перегибается вперёд, подпирает подбородок руками и задумчиво спрашивает: – А нам-то со всего этого какая радость, о катастрофа души моей? В чем наша великая цель и великая выгода?

Практика показывает, что во многих случаях, если хочешь загнать человека в тупик, можно просто задать ему вопрос "зачем?", как вариант – в формулировке "на фига?", и это вполне может оказаться страшным ударом. Многие деловые кадры срезаются именно в этом месте и начинают беспомощно сучить руками и ногами. Потому что так далеко мысль у них обычно не заходит. У самого Матвея, например – точно не заходит, Болотова таким вопросом можно убивать по десять раз на дню.

Евгения Лантайн

Когда Матвей и Райан вдруг взяли и начали шушукаться и со сплетническим видом перешептываться прямо у нее перед носом, Евгения сначала даже не поверила, что такая наглость бывает. Потому что должен же у людей, в конце концов, быть мозг. Ну или, на худой конец, инстинкт самосохранения. И вот тем не менее - ни того, ни другого у этой парочки аж на двоих никак не нашлось. Сидят себе, базарят таинственным шепотом. И при этом часто косятся на Лантайн, то бишь явно ее обсуждают.

- Я вообще-то прямо здесь сижу, - напомнила Евгения охамевшим коллегам. Но совесть, судя по лицам, пробудила только если в Райан. По роже Матвея вообще невозможно было заподозрить, что он слово "совесть" хотя бы где-нибудь мельком слышал. - О чем шепчетесь? Не хотите со мной поделиться? Нет? Ну вот и заткнитесь, будьте так добры.

Последнюю рекомендацию хотелось Матвею на лоб прилепить пожизненно. У парня изо рта то и дело извергалось такое, что лучше б он вообще рта не открывал.

- Конечно, с вопросами ты всегда сможешь подойти ко мне позже. В любой момент, - кивнула Евгения, разговаривая вроде как с Райан, но при этом сверля сердитым взглядом Матвея. Остро хотелось вернуть парню "катастрофу", с точностью до каждого слова. Потому что сам-то он именно такой. Лантайн проглотила просящуюся на язык откровенную грубость и терпеливо ответила: - А нам с тобой

будет за наши труды почет, уважение и глубокое моральное удовлетворение. От ощущения того, что мы делаем что-то прекрасное и полезное. Уяснил, башмак ты эдакий? - сердито буркнула Евгения. В районе мозга рваный, глубоко и безнадежно.

Райан О'Мера

Почему-то о том, что шепотом обсуждать Евгению прямо перед самой Евгенией, будет не слишком-то вежливо, Райан совсем не подумала. И спохватилась очень поздно, когда все главное и непоправимое было уже сделано и сказано. Хорошо хоть, что они с Матвеем говорили тихо. Если бы Евгения слышала всё то нелестное, что было про нее сказано, она бы, наверное, озлилась еще сильнее. Хотя и сейчас уже ее яростным взглядом можно было сделать людям очень больно.

- Простипростипрости, - единым выдохом покаянно выпалила О'Мера, абсолютно не уверенная в том, что это поможет. И покосилась на Матвея - ирландке все больше и больше казалось, что с этим ей знакомством ей сейчас повезло так невероятно, как редко в жизни вообще везет. Там, где Райан испуганно опускала глаза и начинала сыпать извинениями, Матвей, не меняя выражения лица, продолжал лезть в бутылку. И что-то из этих двух крайностей непременно должно было сработать. Сейчас работала крайность вторая, более агрессивная. Евгения отвлеклась, вступила в отвлеченный спор и вроде как забыла, из-за чего обиделась изначально. И все равно, даже несмотря на своеобразную магию этой вечно колючей и напряженной атмосферы, Райан неуютно ерзала на месте. Вот почему люди не могут просто взять и помириться?

- Я вас не понимаю! - беспомощно сказала О'Мера, непрерывно раскачиваясь на месте, словно маятник Фуко. - Вы вроде бы не собираетесь драться, но при этом непрерывно говорите друг другу гадости! Мы же хотели вместе делать одно красивое дело! Зачем это? Для чего это? Почему вы не можете просто спокойно общаться, как все общаются? Зачем обязательно одной быть катастрофой, а второму - башмаком? Мне все время кажется, что вы вот-вот не выдержите, разругаетесь вдрызг по-настоящему и начнете кидаться книгами, - тихо заключила Райан. И зябко обхватила себя руками. Как бы первая книга теперь не полетела в нее.

Матвей Болотов

В отличие от Райан, Матвея совесть не мучает нисколько – чо такого-то, подумаешь, сказали несколько слов, это ж даже и не обидно. Можно даже сказать, это справедливая критика, которую Болотов запросто и вслух повторить способен. Но не повторяет, они с Евгенией и без этого прекрасно найдут на чем поругаться, пока вообще незачем искать дополнительное пространство для споров.

– Ну, это твоя проблема, что ты здесь сидишь. Буквально прижала нас, даже не пошептаться толком. Приходится вот, прямо при тебе, – все же заявляет Матвей, абсолютно не чувствуя себя неправым или что-то там еще. Умение вывернуться так, чтобы продолжать с уверенностью считать, что уж кто-кто, а лично он все сделал как положено, у Болотова отточено до высшего уровня, он способен ворох воспитательных пинков нахватать и все равно продолжать считать, что это не он дурак и накосячил, а просто имеет место трагическая педагогическая ошибка.

– Просто у меня черный язык. Это уже никак не лечится, смиришься и терпи. А эта все время ведется и спорить лезет, вот и цапаемся все время, – с видом непререкаемого авторитета поясняет Матвей. Покровительственно почти приобнимает паникующую Райан за плечо и уже оттуда крутит пальцем у виска,

продолжая пикировку с Евгенией: — Умно, ча. Может, мы еще и творческие очки за свою писанину заработаем, на которые потом пантеон поэзии воздвигнем? Ну ты думай хоть, кому задвигаешь! Вон, нежных девочек этими аргументами гладь. Я эту твою возвышенную муть не понимаю.

Евгения Лантайн

На вытанцовывавшуюся перед ней трагикомедию Евгения смотрела без восторга, с недоверчивым удивлением, очень постепенно вникая в ситуацию: это что, блин, бунт, что ли? Если Райан быстро повинилась и пошла на попятную - и Евгения готова была поверить в то, что у ирландки это всё получилось случайно, не вполне осознанно - то вот уж Матвей наверняка от начала и до конца чётко осознавал, что делает. Что его действия будут Евгенией расценены как хамство и никак иначе. И ведь тем не менее, стоял на своём, пёр до конца и нарывался то ли на ссору, то ли на оплеуху, то ли на всё и сразу.

- То есть, это всё ещё и моя вина, я правильно понимаю? - вкрадчиво уточнила Лантайн, предельно вежливым и таким ледяным тоном, что можно было одним только голосом превратить библиотеку в тибетский филиал Антарктиды, безо всякой магии. Даже удивительно, что у самой Евгении эти слова вылетали из уст самым обыкновенным и прозаическим, ни разу не демоническим или угрожающим способом, а не вырывались изо рта вместе с облачками морозного пара. Матвей же на достигнутом не остановился, продолжил паясничать, выделываться, и тем самым окончательно переполнил чашу терпения. Услышав про "возвышенную муть", Лантайн обиженно вспыхнула, вскочила и метнула Матвею в голову первую попавшуюся под руку книгу. После этого Евгения оскорбленно выпрямилась и звенящим от ярости голосом сообщила: - Если других вопросов нет, тогда на сегодня мы расстаёмся. Всего хорошего.

Райан О'Мера

- Но у тебя нормальный язык. Правильный ведь. Розовый, по-моему, - растерянно сказала Райан, не очень понимая, что Матвей имеет в виду. В рот бы ему заглянуть, чтобы уточнить, но ирландке кажется: когда черный язык - это, как и черные зубы, будет видно издалека и сразу. И сомнений в его цвете никаких не будет. Так что у Матвея - не чёрный, это совершенно точно. И неясно, почему тогда парень так про себя говорит.

Рука Матвея, расположившаяся у Райан на плечах, тоже уверенности ни в чем не добавляла, несмотря на, казалось бы, общую доверительную теплоту жеста. Возможно, думала О'Мера, это из-за того, что Матвей сам же первый говорит и делает всё то, что злит Евгению и только подливает масла в огонь. Сидеть рядом с парнем - это было никак не то же самое, что за каменной стеной. Уж куда скорее Райан чувствовала себя приткнувшейся рядом с мишенью, в которую вот-вот полетят ядовитые стрелы.

Или вот - да, неядовитые книги, например.

О'Мера завизжала, зажмурилась и даже закрыла уши руками, окунаясь в спасительные темноту и тишину. Открывать глаза было попросту страшно. Ирландка пребывала в уверенности, что лихо и яростно, со свистом пущенная Евгенией книга должна была непременно попасть Матвею прямо в лицо, и вмять переносицу глубоко внутрь черепа, и раздробить лоб на белые с кровавым ошметки. Смотреть на такое было бы жутко; Райан только представляла себе это черно-белым текстом и все равно ощущала подступление панического ужаса.

И ещё к тому же - с закрытыми глазами и ушами Райан никак не смогла бы понять того, что следующая книга или ещё что-нибудь столь же увесистое летит в неё. В этом отношении ирландка болталась в спасительной неведени и в ближайшие несколько минут никак не планировала оттуда выныривать. Только если её оттуда выбьют, столь же метким ударом в лоб, какой в представлении Райан уже безжалостно и насмерть уложил Матвея.

Матвей Болотов

Сам Матвей, в отличие от Райан, никаких сомнений не испытывает и твёрдо знает: не-не, язык чёрный, даже если внешне он ничем не примечательного розового цвета. С таким языком надо уметь жить и выживать, иначе за то, что ты этим языком безрассудно метешь, тебя зашибут на первом же повороте; ну, максимум на втором. То, что Болотов начинает отсчитывать третий десяток лет и при этом до сих пор имеет полный комплект всех конечностей и даже всех зубов, вполне красноречиво говорит о том, что парень в курсе, какое чудо досталось ему вместо языка, и умеет справляться с последствиями того, что сам же и накликал.

Разъяренную Евгению Матвей засекает как раз на замахе – по блондинке давно уже видно, что она закипает, вот-вот пар из носа пойдёт и крышка набекрень окончательно сорвется и в сторону полетит, – и крайне своевременно ныряет под стол. Тяжёлый снаряд свистит над макушкой, и Болотов совершенно не спешит снова показывать башку: кто знает, за что там Евгения ещё хватается трясущимися руками.

– Мать, ты ча, ополоумела? – упрекает Матвей из-под стола. И силится вбить разум обратно в блондинку: – Ладно я, а если б ты девочку зашибла? Ча б мы потом её наставнику объясняли? Один хрен выглядело бы как "злодейски заманили и умертвили". Мать, успокой свои руки! Ты щас всех случайных прохожих перебеешь, а до меня всё так и не дотянешься, я тебе истинно говорю.

Не переставая вещать, Матвей параллельно делает ещё одно полезное и правильное, на его взгляд, дело: нащупывает колено Райан и осторожно потягивает за джинсу. Мол, давай ко мне в блиндаж, там уж явно безопаснее, чем за голым столом. Шансы выжить и не погибнуть от шальной пули – которые Евгения, с неё станется, вполне может начать разбрасывать во все стороны, как сеятель облигации, – сразу резко возрастут. И даже если блондинка тоже полезет убивать под стол – да на здоровьичко, тут все равно не размахнуться плечу толком.

Евгения Лантайн

Евгения, как это у нее обычно и бывало, остыла тут же, не отходя от кассы: сперва запустила в Матвея книгой, потом немедленно пожалела о том, что вспылила и распустила руки. Попади Лантайн парню в лицо, и пришлось бы долго и неприятно объясняться. Извиняться там, возможно, даже на коленях по полу ползать. Но все, к счастью, обошлось - Матвей, как ему, можно сказать, даже и по роли положено, оказался типом скользким и вертким. Лихо сполз под стол, как только уловил, что Евгения замахивается, счастливо избежал столкновения с книгой и уже из-под стола продолжил укоризненно бубнить. Самое паршивое заключалось в том, что в этой конкретно взятой ситуации парень, по сути, был прав, Лантайн при всем желании не могла ничего ему возразить. Вспылила и сделала глупость, никак иначе это и не назовешь.

- Ополоумела, - нехотя признала Евгения. И позвала: - Я успокоилась, больше не дерусь и ничем не швыряюсь. Твоя голова в безопасности. Временно. Вот на черта,

скажи, ну на кой черт ты меня доводил?

Лантайн сильно подозревала, что полюбовно договориться с Матвеем - это будет в списке задач чуть ли не самое простое. Парню, кажется, наплевать на все подряд трижды и во все стороны, он минут через десять уже и не вспомнит, что ему пытались голову с плеч отмахнуть первыми под руку попавшими подручными средствами. Вот утихомирить испуганно съезжившуюся Райан должно быть ощутимо сложнее. Евгения отважно шагнула к ирландке, следуя принципу "сама накосычила - сама и исправляй", обняла девушку за плечи и попыталась уговорить: - Тише, тише. Не надо, ну пожалуйста. Я постараюсь держать себя в руках. Ну, я точно не буду больше драться! Договорились?

Слова "успокойся" Лантайн дальновидно не произносила - как показывает практика, никто после этого не успокаивается, а то и еще хуже может стать. И вообще, у этого слова невообразимый психопатический эффект какой-то.

Райан О'Мера

Очень быстро Райан не выдержала и обратно открыла уши - сидеть в блаженной темноте и тишине, конечно, приятно, но так становится совершенно невозможно ориентироваться во внешнем мире. Внешний мир как будто начисто пропадает, а все же хотелось бы знать, что в нем происходит, пусть даже только знать будут только уши и только приблизительно. Уж наверное они подскажут, если наступит совершенная катастрофа.

Но катастрофа, кажется, откладывалась на неопределенный срок. Довольно быстро Райан снова услышала ворчливый голос Матвея. Это как минимум означало, что парень жив и не убит низкопролетевшей книгой наповал. Более того, это скорее всего значило, что Матвей еще и цел. Раненые не разговаривают все с той же, неизменной ленцой в голосе, они обычно на собственной шкуре остро ощущают необходимость взывать к восстановлению мира и справедливости. Матвей звучал так, как будто он совершенно не пострадал, поэтому Райан рискнула открыть глаза, уповая на то, что белого с кровавым крошева все же не предвидится. Как оказалось, Матвей успел передислоцироваться под стол и общался откуда-то оттуда, а вместо него ирландку теперь обнимала Евгения.

- О, я очень надеюсь на то, что ты больше не будешь бузить. Буянить. Воевать и убивать! - с жаром закивала Райан, не очень понимая, какое именно слово здесь лучше подойдет, поэтому высыпая на Евгению все пришедшие в голову варианты разом. И с любопытством заглянула под стол, отыскивая там Матвея: - Скажи, но как ты туда нырнул? Тебя теперь не сжигает стыд из-за того, что ты прятался от девушки под столом? Что не встретил угрозу лицом к лицу? Мне кажется, любой другой парень на твоем месте уже десять раз провалился бы под землю от стыда. Смертельно раненая гордость не позволила бы ему спокойно жить дальше. У тебя что, совсем нет гордости? Разве с мужчинами такое бывает?

Матвей Болотов

Матвей, не вдаваясь в чересчур тонкие подробности, считает необходимым разделять героизм и благоразумие. Соленый огурец и кефир, вон, тоже вещи отличные, но это только по отдельности, а вместе мирно сосуществовать отказываются, вечно приходится что-то одно выбирать. Сейчас определенно не тот случай, когда требуется героизм, козырять своей гордостью на все четыре стороны и бить себя пяткой в грудь. Заслышав, что Евгения вроде как успокоилась, парень для верности ещё некоторое время проводит в своём укрытии, и только

услышав, что девки наверху затеяли окончательно мириться, тоже показывает голову над столешницей.

– Не там меня ищешь. Я уже тут, – поправляет Матвей притормаживающую секунды на две Райан. И, ничуть не смущаясь, объясняет: – Чтобы переживать за насмерть убитую гордость, надо выжить сперва, ты не находишь? И вообще – ча я, истеричка какая, с девчонками-то махаться? Я лучше уж подожду, пока вы отшумите, и все останутся целы и примерно счастливы.

Райан требует какой-то гордости, но это не тот случай, когда Матвея можно на подобный крючок зацепить. Вывать к самолюбию парня бессмысленно почти всегда – Болотову в большинстве случаев достаточно того, что он сам себя знает и ценит. А остальные пусть как хотят, там уже их проблемы. Матвей внимательно осматривает обнимающихся девиц, приходит к выводу, что третьим он тут нынче вряд ли нужен, говорит: – Ну, бывайте, до связи, – и, махнув на прощание рукой, выходит из библиотеки. Дальше уж и без него отлично помирятся.
